

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ | LAW

К 100-летию со дня рождения С. С. Алексеева

УДК 340.11
doi:10.35853/vestnik.gu.2024.12-3.03
5.1.1.

С. С. Алексеев об общих дозволениях и общих запретах в праве

Алексей Павлович Семитко

АНО ВО «Гуманитарный университет», Екатеринбург, Россия,
<https://orcid.org/0000-0003-4425-3053>

Аннотация. Работа Алексеева «Общие дозволения и общие запреты в советском праве» (1989) является продолжением опубликованной ранее «Структуры советского права» (1975). Общие дозволения (ОбД) и общие запреты (ОбЗ) – общие регулятивные начала права – определяющим образом влияют на содержание и структуру права, на всю правовую систему и представляют собой явление, которое кроется в глубинных основах социальности и регулятивной культуры. ОбД и ОбЗ – самостоятельные, особые субстанциональные правовые явления, которые принадлежат к глубинному пласту механизма правового регулирования. Ученый выделяет властно-императивные и автономные дозволения: уровень свободы в обществе определяется ограниченностью первых и защищенностью последних. Природа социального строя определяется тем, кто, какие субъекты и в каком объеме имеют юридические права, выражающие эти два главных дозволения. Правовая специфика зарождающегося юридического регулирования проявляется в дозволениях и субъективных правах. Объем общих дозволений и субъективных прав зависит от характера политического режима. Свобода поведения рассматривается как главное значение термина «право». Право нацелено на регулирование общественных отношений, которое выходит, в том числе и при ОбЗ, на субъективные права, связано с ними: право потому и право, что говорит о правах, что является воплощением юридической свободы поведения участников общественных отношений. Вместо предписывающе-запретительной направленности право и его понимание в науке должны развиваться в направлении гуманистически (а не бюрократически) организованной регулирующей системы, в которой центральным пунктом являются субъективные права. Анализируемая работа показывает, что фундамент гуманистической концепции права, всесторонне развитой ученым позже, был заложен еще в советский период его творчества.

Ключевые слова: С. С. Алексеев, право, структура права, общие дозволения, общие запреты, субъективные права, свобода, типы и способы правового регулирования, правовые режимы, инфраструктура социального регулирования, непосредственно-социальные права, принципы права

Для цитирования: Семитко А. П. С. С. Алексеев об общих дозволениях и общих запретах в праве // Вестник Гуманитарного университета. 2024. Т. 12, № 3. С. 28–49. DOI 10.35853/vestnik.gu.2024.12-3.03.

S. S. Alekseev on General Permissions and General Prohibitions in Law

Alexey P. Semitko

Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia,
<https://orcid.org/0000-0003-4425-3053>

Abstract. Alekseev’s work “General Permissions and General Prohibitions in Soviet Law” (1989) is a continuation of his previously published work “The Structure of Soviet Law” (1975). General Permissions (GPe) and General Prohibitions (GPr) – the general regulatory principles of law – decisively influence the content and structure of law, the entire legal system and represent a phenomenon that lies in the deep foundations of sociality and regulatory culture. GPe and GPr are autonomous, special substantive legal phenomena, which belong to the deep-seated layer of the legal regulation mechanism. The scientist distinguishes between two types of permissions: power-imperative and autonomous. The level of freedom in society is determined by the limitation of the former and the protection of the latter. The real indicator of the nature of the social order was and remains the answer to the question: who, which subjects and to what extent have legal rights expressing these two types of permissions? The legal specificity of the emerging legal regulation is manifested in permissions and subjective rights. The scope of general permissions and subjective rights is contingent upon the nature of the political regime. Freedom of behaviour is considered as the primary meaning of the term “law”. Law is aimed at the regulation of social relations, which, including in the case of the GPr, is related to subjective rights: law is law because it speaks of rights, because it is the embodiment of the legal freedom of behaviour of participants in social relations. Instead of a prescriptive and prohibitive orientation, law and its understanding in science should be oriented towards the establishment of a humanistically (rather than bureaucratically) organized regulatory system in which subjective rights are the central point. The analyzed work shows that the foundation of the humanistic conception of law, comprehensively developed by the scientist later, was laid in the Soviet period of his work.

Keywords: S. S. Alekseev, law, structure of law, general permissions, general prohibitions, subjective rights, freedom, types and methods of legal regulation, legal regimes, infrastructure of social regulation, direct-social rights, principles of law

For citation: Semitko AP. S. S. Alekseev on General Permissions and General Prohibitions in Law. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Liberal Arts University*. 2024;12(3):28-49. (In Russ.). DOI:10.35853/vestnik.gu.2024.12-3.03.

Введение. Работа С. С. Алексеева «Общие дозволения и общие запреты в советском праве» (1989) является продолжением анализа структуры права (в данном случае – важнейших интегративных структурных правовых образований), фундамент исследования которой был заложен в книге «Структура советского права» (1975), и завершающим крупным научным трудом первого – специально-юридического – этапа научного творчества мыслителя. Предметом изучения в ней был анализ таких интегративных элементов структуры права, конструктивных моделей, самостоятельных правовых феноменов, «новых частиц» сложной правовой материи, относящихся к самым ее глубинам, как общие дозволения и общие запреты в праве. Вместе они обозначаются автором как общие регулятивные (правовые) начала, которые имеют определяющее, ключевое значение в правовой материи, составляют ее внутренние закономерности и выводят на ценности социальной свободы и их обеспечение в процессе правового регулирования. Общие дозволения (ОбД) и общие запреты (ОбЗ) – не просто интегративные элементы в структуре права: «Их статус выше. Они сами представляют собой структурные образования, выполняющие интегративную функцию не только как общее регулятивное начало, но и как фактический каркас (скелет) непосредственно в нормативном материале» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 427]. Книга вышла в такой период перестройки, когда внимание научной общественности в целом и юридической в частности было направлено на критику становящихся все более и бо-

лее очевидными провалов реализации коммунистической идеи в силу ее утопичности, то есть нереализуемости в принципе, а также на осмысление процессов социальной трансформации и проектирование сценариев построения нового общества, свободного от узко идеологических советских стереотипов предшествующих трех четвертей текущего на тот момент века. Специально-юридическая проблематика в указанный период времени не занимала основного внимания научной юридической общественности, и по этой причине ее идеи не получили достойного им масштаба обсуждения и дальнейшего развития¹. Сегодня, когда к праву предъявляются принципиально новые требования, вытекающие, с одной стороны, из процессов межцивилизационного противостояния, а с другой – из распространяющейся с экспоненциальным ускорением цифровизации нашей жизни, которая приводит к появлению планов и идей заменить (дополнить, запараллелить и т. д.) правовой текст цифровыми кодами либо поставить на место права как нормативного регулятора персонализированное для каждой отдельной личности «право» (слово в кавычках, так как пока неясно, как назвать регулятор, не обладающий признаком нормативности), судьба которой будет вручена искусственному интеллекту [Ben-Shahar, Porat 2021], внимание к возможностям и потенциалу традиционной материи или догмы права должно возрасти, чтобы не оказаться в итоге модной цифровизации без права, без соответствующего правового текста и без присущего ему важнейшего признака нормативности, то есть без права вообще. Ведь история помнит еще попытку коммунистов построить общество без права, приведшую в итоге к обществу бесправия. Призыв к скорейшему переходу в цифровой рай, сопровождаемому заменой догмы права, традиционной правовой материи и соответствующего ей правового текста (написанного на естественном языке) цифровыми кодами, формальным языком (в том числе языком программирования, языком разметки)² или персонализированным «правом», вполне возможно и весьма вероятно приведет человечество опять к обществу без права, то есть к новому и на этот раз не коммунистическому, а цифровому бесправию. В этом контексте специально-юридическая проблематика – анализ догмы права, ее логики и закономерностей – вновь выходит на первый план, и потому изучение положений и идей, представленных С. С. Алексеевым в книге «Общие дозволения и общие запреты в советском праве», становится сегодня весьма актуальным.

Правовая специфика зарождающегося юридического регулирования – в дозволениях и субъективных правах. Общие регулятивные начала права (ОбД и ОбЗ) определяющим образом влияют на содержание и структуру права, на всю правовую систему и представляют собой явление «в известной степени даже загадочное» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 227], которое кроется в самых глубинных основах социальности и регулятивной культуры человечества. Вот почему ученому потребовалось помимо всего прочего сделать краткий экскурс в эпоху первобытного общества, в историю становления и дальнейшего развития системы социального регулирования, которая из преимущественно запретительной становится постепенно запретительно-дозволяющей, поскольку первоначально сформировались запреты и лишь потом появились позитивные обязывания и дозволения³.

¹ Так, в «Хронологическом библиографическом указателе произведений С. С. Алексеева» его составитель, М. Ф. Казанцев, помещает также и рецензии на монографии, курсы лекций ученого. Рецензии на работу «Общие дозволения и общие запреты в советском праве» в указателе отсутствуют [Алексеев. Справочный том 2010, с. 90].

² Концепция развития технологий машиночитаемого права (утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15.09.2021 № 31). Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Ученый ссылается на одну из работ, в которой высказана подобная же точка зрения [Явич. Право и социализм 1982]. О том, что система табу появилась раньше, чем право, указывали многие советские авторы, в том числе и С. С. Алексеев в более ранних работах, например, в первом томе «Проблем теории права» 1972 года [Алексеев. Проблемы ... 2010, т. 3, с. 18–19].

Дозволения приобретают самостоятельную, постоянно возрастающую в истории роль, и, кроме того, трансформируются положение и роль запретов, которые при расщеплении мононорм архаического общества «уходят» в сферу морали и религии, а в дальнейшем попадают оттуда в право в присущем им изначально и поддержанном морально-религиозными и прочими представлениями непреклонном и жестком виде. Развитие же дозволений идет преимущественно в двух плоскостях – в плоскости политической власти, когда носители властных функций обретают право поступать по своему усмотрению, и в плоскости дозволений для индивида, человека, групп людей, когда они обладают известной мерой социальной свободы: «В соотношении указанных начал в области дозволений (“властно-императивных дозволений” и “автономных дозволений”) – своего рода фокус всей последующей истории социального регулирования классового общества» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 250]. Главную роль в рамках автономных дозволений играют абсолютные юридические права, выраженные, в первую очередь, в праве собственности. Именно в праве находят выражение «два главных дозволения» – право собственности и императивные властные права. Хотя последние могут существовать и вне права, превращаясь в не имеющие никаких границ, беспредельные, всеохватывающие, тотальные и потому выходящие за пределы права полномочия государственной власти, о функционировании которой в таком случае говорят как о беспределе власти. При полном исчезновении в обществе автономных дозволений даже права собственников не будут никак гарантированы и защищены, то есть они также исчезнут из соответствующей социальной системы. При отсутствии правовых границ любые дозволения превратятся в произвол, а императивные властные права превратятся в наиболее опасный для общества беспредел, который можно сравнить с массовым террором и/или массовым же военным уничтожением несогласных с политикой держателей императивных властных полномочий: «произвол и своеволие представляют собой, в сущности говоря, тоже дозволенность, но лишенную границ и рамок, предопределенности по содержанию (вседозволенность)» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 442]. В итоге получается, что императивные властные дозволения, даже не ограниченные какими бы то ни было рамками, неуничтожимы в принципе до тех пор, пока не перестанет существовать государство: они могут исчезнуть лишь вместе с уничтожением последнего; они очень «живучи», так как могут существовать и без права. Что касается автономных дозволений, разного рода прав и свобод в обществе, то они, напротив, носят очень «хрупкий» характер: могут существовать только и исключительно в правовых рамках – при поддержке и защите со стороны соответствующих правовых институтов государства, в том числе со стороны независимой судебной власти, которая следит в том числе и за тем, чтобы императивные властные дозволения не выходили за пределы очерченных для них границ. Вне правовых рамок, вне правовой защиты автономные дозволения уничтожаются полностью или почти полностью субъектами, в чьих руках находится государственная власть. Содержание правовых институтов, выражающих эти «два главных дозволения», в различные исторические эпохи показывает, что «решающим фактором исторического развития и реальным показателем природы социального строя был и остается ответ на вопрос: кто, какие субъекты и в каком объеме имеют юридические права, выражающие отмеченные выше “два главных дозволения”?» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 257].

Если мораль и религия выступают в качестве ближайших источников возникающего в истории человечества юридического регулирования, наполняющих последнее запретами и обязываниями, то собственно правовая специфика зарождающегося юридического регулирования связывается ученым с дозволениями, выражающими социальную свободу, социальную активность людей, т. е. явления, по «номенклатуре» социальных ценностей куда более высокие и значимые, чем запреты и тем более жесткие принудительные меры воздействия. Именно право способно четко и точно закрепить дозволения и гарантировать их реальность, их фактическое осуществление надлежащими обеспечительными средствами. Что касается социального регулирования в ус-

ловиях гораздо меньшего или практически отсутствующего объема свободы в том или ином обществе, то оно вполне может осуществляться в значительной мере с опорой на религиозные и моральные нормы, что доказывается существованием на протяжении нескольких уже тысячелетий религиозных, обычно-традиционных и прочих неотдифференцированных правовых систем, насчитывающих и сегодня многие миллиарды населения по всему миру. «Вот и оказывается, что специфика социальных явлений точно соответствует исторически сложившейся терминологии: право потому и “право”, что оно “говорит о правах”, является устойчивым государственно-властным критерием юридически дозволенного и недозволенного в области поведения людей со всеми вытекающими отсюда правовыми институтами, правовыми средствами и механизмами» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 255].

Таким образом, система социального регулирования может считаться правовой только тогда, когда она «говорит о правах», если же она о них «не говорит», то утрачивает характер правового образования и трансформируется в некоторую разновидность социального регулятора, название которому можно подыскать в зависимости от конкретно-исторических особенностей его формы и содержания: это может быть регулятор религиозный, моральный, обычно-традиционный или квазиправовой, если власть пытается выдать этот последний за правовой, и т. д. При таком социальном регулировании, то есть при полном отсутствии или крайней минимизации субъективных прав у подавляющего большинства населения (за незначительными изъятиями для привилегированных субъектов – классов, небольших групп или порой даже отдельных индивидуумов и узкой группы его родных, близких и обслуживающей их – в том числе предпринимательской и интеллектуальной – челяди), запреты превращаются в грубое насилие над обществом со стороны государства; автономные дозволения без прав вообще не могут существовать, они в таком случае просто исчезают и тогда в их отсутствие императивные властные дозволения закономерно превращаются – не могут не превратиться – в ничем не ограниченный произвол, беспредел государственной власти.

Что касается исходящих от государственной власти позитивных обязываний, обязательных предписаний, то в содержании права с самого его возникновения присутствует обширный их пласт, вне которого право существовать не может. Однако позитивные обязывания вполне могут существовать без права, то есть без субъективных прав, но тогда они превращаются в весьма жесткое, неюридическое принудительно-насильственное моделирование желательного для субъекта данной власти (какой-либо партийной, военной организации и/или «государства»; последнее – в кавычках, так как без правового признака невозможно провести различие между государством, государственно-подобным образованием и каким-либо организованным преступным сообществом) поведения граждан, поэтому ученый пишет, что указанные предписания, свойственные деятельности властвующих органов, «могут существовать независимо от юридического регулирования. Они и практически в ряде случаев могут проявляться помимо правовых норм. Даже когда позитивные обязывания выступают в правовой форме, они в силу своей природы должны быть по главным своим характеристикам отнесены “на счет” государства» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 275–276], имеют весьма простой юридический облик (опосредуются относительными правоотношениями, в которых одна сторона обременена юридической обязанностью совершать активные действия, другая – обладает лишь правом требования, а в случае неисполнения – притязанием, призванным обеспечить реальное использование юридической обязанности) и при всей их социальной значимости образуют тот слой правовой материи, который находится на поверхности правовой системы, то есть не содержат каких-либо глубоких и тонких юридических закономерностей, связей и соотношений; а когда такого рода связи и соотношения появляются, то каждый раз детальный анализ выводит на элементы, которые относятся уже к иному, более глубокому пласту правовой материи – дозволениям и запретам. И позже, когда ученый давал характеристику типов правового регулирования, он отметил, что «при всей важности позитивных обязываний, в том числе

имеющих общее значение, они выражаются в порядке регулирования, который, однако, не находится в одном ряду с двумя главными типами, построенными на дозволениях и запретах. Его “общность” касается субъектного состава, и в нем все же в преобладающей мере выражены “юридизированные” (прошедшие через призму права) особенности и закономерности, характерные непосредственно для государственной власти. Отсюда его качественное отличие от двух главных типов, выраженное, в частности, в том, что здесь нет диалектических соотношений и связей, выходящих на субъективные права, соотношений и связей, являющихся преимущественным предметом изучения в данной книге» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 314].

Объем общих дозволений и субъективных прав зависит от характера политического режима. В любой национальной правовой системе имеются запреты, позитивные обязывания и дозволения, однако в условиях «антинародных, антидемократических политических режимов, в правовой системе по объему охватываемого ею нормативного материала и его фактическому действию на первый план нередко выступают юридические запреты, меры юридической ответственности, иные принудительные государственно-властные средства воздействия» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 255]. Однако даже эти последние в большей или меньшей мере приобретают специфически правовую окраску, поскольку опосредуются через юридические дозволения, через права. Поэтому любое государственно-организованное, или классовое, как принято было писать в советское время, общество нуждается не просто в социальном регулировании, а в присутствии в нем в той или иной мере именно права, правового регулирования: «Величина этой “меры” обусловлена как объективной необходимостью организованности, порядка, дисциплины, соответствующих интересам господствующего класса, так и в не меньшей степени объективной потребностью реализации основного позитивного компонента общественной жизни – социальной свободы и активности людей, обеспечения условий и возможностей для их проявления и функционирования» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 255]. Эти последние – «автономные дозволения» – вместе с жестко связанными с ними правовыми началами могут быть сведены к минимальным или нулевым значениям в условиях, когда «властно-императивные дозволения» заполняют собой весь или почти весь объем имеющейся в обществе свободы, и тогда вопрос о дозволениях применительно к власти сводится только к одному – «к констатации того, что права органов власти не имеют ограничений, что существуют всевластие, вседозволенность, при которых власть может предписывать и запрещать все, что ей угодно, а положение подвластных полностью бесправно» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 256]. В условиях антидемократических авторитарных режимов в правовую форму, именно форму – то есть лишенную правового содержания пустую форму, могут облекаться «самые жесткие, репрессивные государственно-властные меры воздействия, выражающие прямую расправу, насилие над трудящимися. В то же время, так сказать, историческое предназначение права, его способность быть воплощением и гарантом социальной свободы и высокой организованности свидетельствуют о наличии в праве значительных потенциальных резервов, причем таких, которые имеют первостепенное значение для утверждения и развития в обществе начал демократии, гуманизма, для социального прогресса» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 258]. Возможность и мера использования указанных потенциальных резервов права напрямую зависят от уровня развития политической и правовой культуры населения каждой страны: данный уровень и определяет, в конечном счете, объем правового начала, а следовательно, и правовой свободы в обществе. Право не может действовать помимо и вне социальных носителей правовых идеалов и соответствующих им требований, оно лишь в потенции способно закреплять и обеспечивать свободу граждан, для реального достижения и поддержания которой требуются серьезные и постоянные усилия гражданского общества. Прогрессивные мыслители прошлого, борясь против произвола феодального общества, связывали свои надежды с законом, законностью и правом самими по себе, в отрыве от их фундаментальных

социальных оснований, порождая поэтому преувеличенные ожидания и соответствующие юридические иллюзии.

Широкая трактовка права ориентирована на демократию, гуманизм, социальный прогресс. Завершая рассмотрение фрагмента «Право – демократия, гуманизм, прогресс» второй главы, автор подчеркивает, что позитивная сторона разрабатываемой в советской юриспруденции широкой трактовки права, «наиболее основательно связывающая само понимание права с принципами, ценностями и идеалами социальной свободы, заключается как раз в том, что она ориентирована на демократию, гуманизм, социальный прогресс. И то обстоятельство, что при этом упускаются из поля зрения другие важнейшие социальные основы и черты права, прежде всего его особенности как юридического явления, его институционность (начала социальной ответственности, организованности, органическая связь с государством), само по себе не должно затенять указанную позитивную сторону широкой, этико-философской трактовки права» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 258]. Таким образом, еще в советский период своего творчества С. С. Алексеев признавал плодотворность непозитивистской, или широкой, как тогда говорили, трактовки права, а сам обосновал подобный, непозитивистский авторский подход еще раньше – в работе 1971 г. «Социальная ценность права в советском обществе». В первом томе курса «Общая теория права» (1981), в главе о понятии права (его сущности; особенностей как институционного нормативного регулятора), ученый отмечал, что «“право” в **главном значении этого термина** обозначает известную свободу поведения участников общественных отношений» (выделено нами. – А. С.) [Алексеев 1981, с. 66]⁴, а также то, что даже в случае отсутствия закрепления непосредственно-социальных притязаний в законодательстве употребление вместо слова «притязания» слова «право» делает неизбежным «наличие известного состояния свободы поведения, имеющего социальное обоснование» [Алексеев 1981, с. 70]; «самое же право потому и право, что отличается нормативностью, “возведенностью”, является воплощением юридической свободы поведения участников общественных отношений, нормативным критерием правомерности этого поведения (дозволенного и запрещенного) и, следовательно, раскрывается как специфический феномен в единстве объективного и субъективного права» [Алексеев 1981, с. 82]. Обратим внимание на то, что свобода поведения рассматривается ученым именно как главное значение термина «право», а другие его значения, в том числе понимание права как институционного нормативного регулятора и т. д., – не главные, хотя и исключительно важные, а в рамках инструментального, догматического анализа права должны быть изучены в первую очередь, и без такого предварительного рассмотрения вряд ли возможно какое-либо дальнейшее углубленное и всестороннее исследование феномена «право».

Исходные юридические начала построения нормативного материала: типы правового регулирования и возглавляющие их ОбД и ОбЗ. Рассматривая общие дозволения и общие запреты в качестве однопорядковых правовых явлений, автор подчеркивает их неодинаковое «отношение» к глубинной природе права, к социальной свободе и ответственности, с которыми она связана. Главная их функция как общих регулирующих начал состоит в том, чтобы быть направляющими механизмами в правовом регулировании, его организующими стержнями. В то же время «ОбД и ОбЗ – это своего рода “невидимые” элементы в праве» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010,

⁴ Автор ссылается здесь на известную идею В. С. Нерсесянца о том, что право обозначает сферу, границы и структуру свободы, выступает как форма, норма и мера свободы. На заседании круглого стола «О понимании советского права» В. С. Нерсесянц отмечал, что «в условиях взаимосоответствия свободы, права и закона законной силой обладает лишь норма, представляющая собой меру свободы. Ценность права как раз и состоит в том, что право обозначает сферу, границы и структуру свободы, выступает как форма, норма и мера свободы, получившая благодаря законодательному признанию официальную государственную защиту. Эта свобода (и, разумеется, соответствующая мера свободы), согласно марксизму, обусловлена тем или иным уровнем исторического развития, господствующим способом производства и носит социально-классовый характер» [Нерсесянц. Выступление на заседании ... 1979].

т. 2, с. 303], так как не всегда четко формулируются в нормативном материале. Если в ряде случаев ОбД могут вообще особо не формулироваться, то для ОбЗ последнее в той или иной форме все же необходимо. «В целом же перед нами – довольно любопытный факт: внешняя объективизация ОбД и ОбЗ как специфического юридического феномена выражается при его формулировании не в нем самом, а в его “другой стороне”, в его, так сказать, противоположности: общих дозволений – в запретах, общих запретов – в дозволениях» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 304]. Наиболее четко существование ОбД и ОбЗ обнаруживается при наличии исчерпывающего перечня исключений, который используется для конструктивной модели типов правового регулирования, построенных на ОбД и ОбЗ. Типы правового регулирования, как и возглавляющие их ОбД и ОбЗ, получают такое выражение в нормативном материале, когда они «во многих случаях выступают не в виде прямо закрепляемых в тексте реальных юридических конструкций, а сообразно их социально-правовой природе в виде *исходных юридических начал построения нормативного материала*» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 320].

Три главы (из четырех) второго раздела ученый посвящает анализу типов правового регулирования – общим положениям и по отдельной главе – каждому типу (общедозволительному и разрешительному): в отличие от способов правового регулирования (дозволений, запретов, позитивных обяызываний), которые выражают пути правового воздействия на общественные отношения, типы регулирования затрагивают более глубокий слой права – *порядок воздействия, его построение и направленность*. Типы правового регулирования основаны на двух парах «крепко сцепленных дозволений и запретов, одна из которых возглавляется ОбД, а другая – ОбЗ. Именно то, что в каждой паре есть “общее” – либо дозволение, либо запрет – и вместе с тем очерчивающее рамки общего исключительное, и показывает их роль в праве» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 313]. Если типы правового регулирования основаны на общем дозволении («дозволено все, кроме запрещенного») или общем запрете («запрещено все, кроме разрешенного»), то почему один называется общедозволительным (ОбД-порядок), а другой – не общезапретительным, а разрешительным? Потому, что наименование его общезапретительным, по мнению ученого, не будет согласовано с природой права, с тем, что «оно целеустремлено на регулирование общественных отношений, которое так или иначе, в том числе и при ОбЗ, выходит на субъективные права, связано с ними» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 314]. Вспомним авторские ключевые, сущностные формулировки, высказанные им по поводу глубинной природы права, и приведенные выше: «право потому и право, что говорит о правах», а также «право потому и право, что... является воплощением юридической свободы поведения участников общественных отношений». Ведь юридический пафос регулирования и при ОбЗ состоит в том, что определенным лицам предоставляются, пусть и в разрешительном порядке, в исчерпывающем перечне, но все же предоставляются субъективные права. Вот почему и здесь акцент должен быть сделан не на запрещении, а на правах, предоставляемых в разрешительном порядке, и потому наиболее предпочтительным наименованием типа регулирования, построенного на ОбЗ, следует признать *разрешительный (РР-порядок)*» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 314–315]. Поэтому указанные два порядка, так же как и ОбД и ОбЗ, взятые в отдельности, оказываются «нужными далеко не на всех участках правового регулирования, а преимущественно там, где необходимо прямое нормативное закрепление субъективных прав, да причем такое, когда бы выражались социально-политические, нравственные начала регулирования» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 320].

Еще одно важное наблюдение фиксируется в работе неоднократно, и поэтому его можно квалифицировать как определенную закономерность правового регулирования – то, что ОбД-порядок, по общему правилу, действует для граждан, а РР-порядок – для государственных органов, должностных лиц и организаций в их взаимоотношениях с гражданами. При этом надо обратить особое внимание на оговорку «по общему прави-

лу», так как «привязывать» жестко указанные типы правового регулирования к соответствующим субъектам было бы совершенно неправильно, поскольку они могут применяться в разных ситуациях и с участием разных субъектов (см.: [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 324–331, 333–335, 345–346, 363–365, 368–380, 397, 443 и др.]).

Ученый дает ценностную характеристику типов правового регулирования: ценность ОбД-порядка – в опосредовании и обеспечении социальной свободы, РР-порядка – в обеспечении организованности, ответственности, дисциплины. «Дополнительная» социальная и одновременно собственно юридическая ценность типов еще и в том, что они воплощаются в юридических режимах, живут в них и через них, в их составе оказывают регулирующее воздействие на общественные отношения (см.: [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 331, 385]). Сочетание ОбД, ОбЗ и соответствующих им порядков правового регулирования позволяет в итоге обеспечивать в обществе широкую социальную свободу на базе высокой организованности, разумеется, при условии, если законодатель ставит перед собой обе эти задачи, то есть стремится к установлению в обществе не только высокого уровня организованности, ответственности и дисциплины, но и свободы тоже. В общечеловеческом идеале, а в советском обществоведении считалось (как оказалось позже, ошибочно) аксиомой, что именно социалистическая идея и воплощает в себе высшие идеалы человечества, сочетание рассматриваемых порядков позволит достичь организованности, выражающей подлинный гуманизм, социальной справедливости, высоких нравственных начал. Для реальности прав человека изначальность, первичность ОбД-порядка в отношении личных, социально-экономических и социально-культурных прав и свобод граждан является абсолютно необходимой. Этот порядок должен быть построен таким образом, чтобы он выражал гуманистическую организованность и антиэксплуататорский характер общественных отношений, их подчиненность началам социальной справедливости (добавим в скобках, что все перечисленные здесь требования имеют, по сути своей, не только социалистический, социал-демократический, но и общечеловеческий характер). То же самое касается РР-порядка, и тогда предоставляемые субъектам в его рамках права в связи с дозвоительно-организованным характером регулирования, в связи с первичностью ОбД-порядка не просто будут играть роль «исключений» из общих запретов, а получат самостоятельное и полноценное значение.

Хотелось бы обратить внимание на то, что весь гуманистический пафос, присущий социалистической – коммунистической по цели – идее и являющийся для всех коммунистических режимов полностью утопическим, нереализуемым, то есть фиктивным, не должен быть, как нам представляется, отброшен обществами, имеющими своей целью демократию, рыночное хозяйство, права человека и правовое государство. Поэтому вывод ученого о том, что «изначально дозволительная природа советского права – необходимая предпосылка для построения социалистического правового государства» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 333], полностью сохраняет свою теоретическую силу и в том случае, если из этой формулировки убрать определения «советского» и «социалистического». Данный вывод имеет универсальное значение, поскольку вытекает из природы гуманистического права и соответствующего ему правового регулирования, которые нацелены на реальную защиту прав человека. Поэтому знаменательно, подчеркивает автор, что одним из первых политико-юридических документов, выразивших общедозволительное начало, была Декларация прав человека и гражданина 1789 года в революционной Франции, провозгласившая в ст. 5: «Закон может воспрещать лишь деяния, вредные для общества. Все же, что не воспрещено законом, то дозволено, и никто не может быть принужден к действию, не предписанному законом».

Правовые режимы. Последняя глава второго раздела монографии посвящена правовым режимам, юридическим основанием которых выступают способы и типы правового регулирования. И, так же как последние, они связаны с субъективными правами:

вопрос о правовых режимах (за исключением режимов отраслей), отмечает ученый, «возникает, как правило, в отношении не всех звеньев правового регулирования, а главным образом в отношении субъективных прав – момент, который, обратим внимание на это, был отмечен и в отношении типов правового регулирования. Правда, сама характеристика правовых режимов нередко ведется применительно к определенным объектам, но “режим объекта” – лишь сокращенное словесное обозначение порядка регулирования, выраженного в характере и объеме прав по отношению к объекту (тем или иным природным объектам, видам государственного имущества, земле и т. д.). К тому же показательно, что ряд правовых режимов, в особенности в трудовом праве, прямо действует применительно к тем или иным категориям субъектов» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 382]. Изучаются отраслевые и иные правовые режимы; иные – это режимы общедозволительного, разрешительного, обязывающего (основанные на позитивных обязываниях) профиля, построенный на некоторых технико-юридических приемах режим исключений (выделенный в порядке постановки вопроса), а также категория «исчерпывающий перечень», которая, будучи категорией большой теоретической и практической значимости, достойна, по мнению автора, обстоятельного, глубокого изучения.

ОбД и ОбЗ (наряду с принципами права) – наиболее высокий уровень нормативных обобщений, активный центр права и воплощение системы социальных ценностей. Последний раздел состоит из четырех глав (как и каждый из двух предыдущих разделов) и посвящен анализу социальной и юридической природы ОбД и ОбЗ, связанным с ними вопросам понимания права и прикладным вопросам правоповедения. ОбД и ОбЗ представляют собой наряду с принципами права наиболее высокий уровень нормативных обобщений и рассматриваются в работе как непосредственное выражение глубинных требований социальной жизни и потому – как активный центр права. В советской юридической литературе было понимание, которого придерживался и С. С. Алексеев, что «глубинные и устоявшиеся требования социальной жизни, будучи связаны с духовными, мировоззренческими идеалами, непосредственно подступают к нормативному социальному регулированию в виде господствующей системы социальных ценностей. С этой точки зрения значение ОбД и ОбЗ заключается и в том, что они воплощают эту систему ценностей, способны быть их исходными, первичными носителями в самой материи права, рассматриваемой со стороны его регулятивных характеристик» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 403]. Если в доклассовом обществе биосоциальная природа регулирования обуславливала его известную всеобщность, непререкаемость, однозначность, то в классовом обществе вся система социального регулирования выражает требования экономического базиса, классовых отношений, концентрирующиеся в системе господствующих социальных ценностей, в господствующей идеологии и мировоззрении. А последние, будучи обращены к социальному регулированию, выступают прежде всего в виде известной суммы ОбД и ОбЗ – того, что в данном обществе, в принципе (по кругу явлений), должно признаваться дозволенным и запрещенным. ОбД и ОбЗ – это глубинные элементы инфраструктуры социального регулирования, они – вовсе не продукт права, а явления, принадлежащие к ядру социального регулирования; в праве они приобретают *новое качество*.

Инфраструктура социального регулирования. В данной работе наряду с понятием «структура» достаточно часто (около 30 раз) используется понятие «инфраструктура» социального регулирования, под которой ученый понимает «не просто структуру социального регулирования в обществе, не просто его подразделенность на виды, звенья, а сложившееся объективно обусловленное построение в этой структуре, выраженное в устойчивой модели нормативно-организационных форм регулирования, причем такой модели, узловое звено которой опираются на определенные, тоже устойчивые организационные формы, в частности на виды государственных органов (правотворческие, правоохранительные), выражающих своеобразие данной социальной и политической системы» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 259]. Инфраструктура

социального регулирования предстает, главным образом, в виде организационного «базиса», от которого непосредственно зависит развитие и функционирование этого регулирования. Автор различает *идеальную* и *фактическую* инфраструктуру социального регулирования, где первая – это модель основных организационно-нормативных форм социальных регуляторов, которая объективно обусловлена данным социальным строем и является оптимальной для обеспечения функционирования общественной системы в соответствии с ее объективными законами. Фактическая же инфраструктура представляет собой реальное положение дел, сложившееся в итоге того или иного влияния на сохраняющуюся в своей основе идеальную модель разнообразных обстоятельств как объективного, так и субъективного характера, в том числе относящихся к традициям, науке и даже личностным особенностям отдельных людей. Автор отмечает, что инфраструктура социального регулирования в обществе в значительной мере характеризуется местом, которое занимают в регулировании нормативно-организационные формы, призванные выражать дозволения, запреты, их соотношение и в особенности «два главных дозволения» – дозволения в области политической власти и собственности, о которых мы упоминали выше и которые «представляют собой своего рода визитную карточку инфраструктуры социального регулирования данного общества» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 261]. В современной юридической литературе используется понятие «инфраструктура», «правовая (или юридическая) инфраструктура» и в ряде случаев в смысле близком к тому, который был представлен в рассматриваемой монографии [Чеботарева 2013], однако акцент, который С. С. Алексеев делает на ОбД и ОбЗ (именно общих способах регулирования) как *постоянном ядре* инфраструктуры социального регулирования, выражающем глубинные социальные потребности и закономерности, находящие отражение как в общественном сознании (мировоззрении, идеологии, культурных нормах), так и прежде всего в праве, пока не нашло в литературе необходимого продолжения и развития.

Общие регулятивные (правовые) начала и непосредственно-социальные права как выражение объективных социальных закономерностей. В главе о социальной природе ОбД и ОбЗ ученый анализирует их в связи с непосредственно-социальными правами и той ролью, которую они играют в воплощении указанных прав в материи права. Обсуждение проблемы непосредственно-социальных, или более широкого по объему понятия общесоциальных, прав в советской юридической литературе – это продолжение обсуждения (С. С. Алексеев отмечает ряд ученых, которые помимо него⁵ принимали в этом участие: Л. С. Явич, П. М. Рабинович, А. В. Мицкевич, В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев, Е. А. Лукашева и др.), а в советское время эзоповым языком, одной из первых и одной из наиболее древних традиций правопонимания, которая называется «естественное право» [Михайлов 2020]. Уже самым первым социальным мыслителям более двух с половиной тысячи лет назад было абсолютно очевидно наличие не только в природе, но и в обществе ряда закономерностей, не подверженных капризу человеческой воли, в том числе и правящей, а что касается диктуемых последней обществу тех или иных решений, нашедших с определенного времени выражение в законах, судебных решениях и других источниках права, то также было понятно наличие в мироздании дозаконных, незаконных, надзаконных и т. п. оснований, которые так или иначе, но прокладывают себе дорогу в бытии людей, направляя течение общественной жизни в определенное русло, соответствующее этим – в разную эпоху разным по названию – космическим, божественным, объективным и т. п. закономерностям, требованиям и соответствующим им ожиданиям людей. В советскую эпоху идея естественного права была под официальным запретом, но поскольку марксизм признавал ее в той или иной мере (право трудящихся на революцию, право наций на самоопределение, право на эквивалент в товарном обращении и т. д.), то трудно было изгнать ее полностью из научного дискурса. С. С. Алексеев ссылается на анализ К. Марксом немецкого лесного

⁵ О непосредственно-социальных правах ученый писал и ранее (см.: [Алексеев 1981, с. 66–72, 75; Алексеев 1983, с. 116–118]).

законодательства, где тот фиксирует наличие в обществе права, которое существует налицо, обретается в самой деятельности (см.: [Маркс, Энгельс 1955, т. 1, с. 128–130; Маркс, Энгельс 1961, т. 21, с. 46]) независимо от того, признается ли оно в законе или нет, и предлагает называть это право не фактическим, как у Маркса, а непосредственно-социальным. В условиях же социалистического общества это последнее, по мнению ученого, существенно влияет на правовое регулирование, является источником прав человека. Определение «непосредственные» для соответствующих социальных прав используется потому, что корреспондирующие им социальные возможности, требования и притязания проявляются напрямую, стихийно и самопроизвольно даже без их зримого выражения в тех или иных социальных нормах и формах, хотя непосредственно-социальные права, или притязания, объективно требуют адекватной их природе идеологической формы – моральной, юридической, в виде обычаев, но они могут рассматриваться и как таковые, то есть до и без их выражения в указанных формах, а в условиях крупных исторических трансформаций могут оказывать, по мнению мыслителя, прямое регулирующее воздействие на социальную жизнь.

Среди общесоциальных прав ученый выделяет особую группу, требующую повышенного внимания и представляющую собой высокозначимое социальное явление, – «непосредственно-социальные права, а также непосредственно-социальные обязанности (право народов на определение своей судьбы, на революцию, право наций на самоопределение, право и обязанность прийти на помощь народу – жертве агрессии, право на эквивалент в экономических отношениях, права человека и др.). Они нуждаются в обозначении именно как *непосредственно-социальные* потому, что являются прямым и ближайшим выражением объективных социальных закономерностей, условий жизни людей» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 413]. Они влияют на правовое регулирование – на законодательство, правоприменение, и если действующее позитивное право согласуется с ними, то оно оказывается действенным, бесперебойно работающим, и напротив: если правовые нормы приняты в отрыве от непосредственно-социальных прав и обязанностей или, более того, в противоречии с ними, то они являются неэффективными либо требуют дополнительных мер, порой довольно жестких, для своего реального претворения в жизнь [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 409–416].

Анализ непосредственно-социальных прав, воспринимаемых в те или иные эпохи как права «естественные», ученый углубляет раскрытием механизма их трансформации в действующий, позитивный, правовой порядок: важную роль в этом играют отличающиеся устойчивостью в каждой социальной системе общие регулятивные начала – ОбД и ОбЗ, которые выражают коренные требования социальной жизни и через которые осуществляется социальное в целом регулирование поведения людей. Все это происходит именно потому, что «в них находят свое существование, свое бытие непосредственно-социальные права. Потому-то непосредственно-социальные права и являются *правами*, мерой социальной свободы, поскольку они определяют, что дозволено и что не должно быть дозволено, прямо запрещено. По самой своей природе эти непосредственно-социальные дозволения и недозволения не могут быть никакими иными, как только общими. Ведь они прямо, ближайшим образом выражая требования социальных закономерностей, условий жизнедеятельности, систему господствующих ценностей, призваны быть своего рода общими направляющими началами, определять дозволенное и недозволенное, в принципе, по кругу отношений. Ни в одном ни в другом случае непосредственно-социальное право, так существенно влияющее на юридическую сферу, вовсе не регулирует поведение людей конкретизированно, в деталях или по каким-то довольно определенным критериям (как нормы морали). Потому-то они, скорее, ощущаются; пожалуй, только интуитивно улавливаются в практической жизни» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 415]. ОбД и ОбЗ, представляя собой прямое воплощение в материи права непосредственно-социальных прав (что позволяет отграничить их от идеологических и теоретических положений, тоже выра-

женных в материи права) и выступая в роли прямых «представителей» того глубокого слоя социальной жизни, который следует сразу же за объективными социальными закономерностями и условиями социальной жизни, выступают по этой причине в праве в качестве его активных центров – механизмов, через которые и осуществляется решающее воздействие глубинных закономерностей социальной жизни на позитивное право, на его содержание и развитие [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 415–416]. И именно в силу того, что непосредственно-социальные, «естественные», права, или притязания, требования, либо не выражаются в законодательстве вовсе, за исключением небольшого числа декларативных, фиктивно-демонстративных, положений (в недемократических, социоцентристских режимах), либо формулируются в законах (и в иных письменных неправовых текстах, если за их провозглашение не установлена уголовная ответственность) в самом общем, абстрактном виде, то они, как пишет ученый, скорее, ощущаются, как бы интуитивно улавливаются в практической жизни, где они могут либо поддерживаться действующей властью, либо устраняться с различной степенью жесткости.

Таким образом, широко известные в социальной, философской и правовой в особенности литературе положения о том, что объективные (космические, божественные и т. п.) вне-, над- или дозаконные требования и закономерности социума преломляются в общественном сознании, идеологии, мировоззрении и культуре в целом (и/или порождаются, формируются, «изобретаются» той или иной культурой, идеологией, мировоззрением в ходе духовного общественного творчества, составляющего важный компонент системы социальных закономерностей), прежде чем войти в позитивную правовую ткань либо «конкурировать» с ней, делать ее неэффективной, а в ряде случаев мертвой и бессильной, когда указанные требования и закономерности отвергаются законодателем (правлящим классом, тираном), дополняются мыслителем анализом тех компонентов правовой структуры, через которые в позитивное право и проникают эти требования и закономерности «естественного» права. При этом подчеркивается, напомним, что общие регулятивные начала не регулируют поведение людей конкретизированно или по каким-то довольно определенным критериям (как нормы морали), а лишь представляют собой общие направляющие начала.

В заключение данного фрагмента ученый с присущими ему скромностью и отсутствием претензий на истину в последней инстанции замечает, что по рассмотренному им вопросу о социальной природе ОбД и ОбЗ «хотелось бы избежать преувеличений», поскольку указанные общие регулятивные начала – «не единственный канал, по которому проходит обуславливающее воздействие экономики, других глубинных факторов социальной жизни на право, да и само их освещение идет в книге в плоскости научной гипотезы. Дело еще и в том, что ОбД и ОбЗ затрагивают определенную сферу права, главным образом те его участки, впрочем, весьма важные, решающие, которые связаны с правами субъектов – граждан, их коллективов, организаций, государства» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 416].

Юридическая природа общих регулятивных (правовых) начал. В главе о юридической природе ОбД и ОбЗ ученый ставит задачу рассмотреть три основных вопроса: их место и функции среди элементов, образующих субстанцию права, механизм правового регулирования; их место и функции в структуре права; и общие регулятивные начала как явления юридической техники. По первому вопросу отмечается, что из четырех частично переплетающихся и взаимодействующих явлений многообразного мира правовой действительности общие регулятивные начала относятся к группе субстанциональных феноменов наряду с нормами права, правами и обязанностями, индивидуальными предписаниями, правоположениями, санкциями юридической ответственности, мерами защиты и др. Оставшиеся три группы – это явления юридической формы (нормативные и индивидуальные акты, иные формы), правовой деятельности (правотворчество, правоприменение, толкование) и субъективной стороны правовой действительности – правосознание, правовая культура, наука права. Первая группа яв-

лений образует само «вещество», тело права, это те правовые средства, из которых «складываются остов, работающие элементы механизма правового регулирования» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 418]. Если рассматривать ОбД и ОбЗ в рамках последнего (МПР), то они имеют сходство с двумя его звеньями – с нормами права и с правовыми отношениями, но по всей совокупности присущих им особенностей не могут быть отнесены ни к первым, ни ко вторым. ОбД и ОбЗ – это *самостоятельные, особые субстанциональные правовые явления*, которые принадлежат к глубинному пласту МПР. При этом последний необходимо рассматривать в виде «объемного» явления, имеющего несколько срезов, уровней и в котором средства правового регулирования выстраиваются не только в одну линию (что характерно для главных звеньев), но и в нескольких плоскостях. Находясь в той плоскости МПР, которая расположена «ближе» к определяющим факторам социальной жизни, «ОбД и ОбЗ – уже в рамках права – передают вместе с принципами права импульсы от метаюридических определяющих факторов ко всем звеньям механизма правового регулирования» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 420]. Исходя из социальной природы и юридических особенностей ОбД и ОбЗ, наиболее целесообразным их терминологическим обозначением следует считать «общие регулятивные (правовые) начала» [Там же, с. 421], а учитывая их близость к принципам права, можно одновременно использовать термин «*общеправовые принципы*» в тех случаях, когда тот или иной порядок регулирования по принципиальным основаниям приобретает доминирующий характер. Несмотря на отмеченную близость ОбД и ОбЗ к принципам права, они качественно отличаются. Принципы права – это именно идеи, общие положения, содержащиеся в правовых нормах и в сжатом виде выражающие особенности правового регулирования, содержание данной правовой системы – представляют собой своего рода «резюме», «сгустки» этого содержания. «В отличие от принципов права, ОбД и ОбЗ относятся не к фактическому содержанию, а непосредственно к регулятивной стороне права. Они активные элементы права, прямое выражение его особенностей как регулятора. Потому-то ОбД и ОбЗ существуют и функционируют в органическом единстве, в сочетании со всем комплексом нормативных предписаний. Все дело лишь в том, что они имеют, по сравнению с нормами права, более общий характер и, как правило, более непосредственно выражают его социально-политические, нравственные особенности, в том числе и принципы права» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 422]. Будучи однопорядковыми явлениями как выразители в праве единых экономических, социально-политических, нравственных, иных духовных основ и ценностей данной правовой системы, принципы права и ОбД и ОбЗ получают различный статус в праве: принципы права замыкаются главным образом на фактическом содержании, в основном на интеллектуальной стороне права, а общие регулятивные начала включаются в волевою сторону, становятся важнейшим регулирующим фактором, базой для типов юридического регулирования, юридических режимов. Отсюда вытекают два важных теоретических положения: «Первое. Рассматриваемые в единстве принципы права и общие регулятивные начала вместе с началами законности раскрывают общую картину данной правовой системы, выражают ее качественные принципиальные особенности, обрисовывают ее по самым главным моментам как со стороны ее ключевых регулятивных характеристик, так и со стороны их содержания... Второе. Принципы права и общие регулятивные начала близки друг к другу и в самой материи права, они могут перекрещиваться и даже совмещаться» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 423]. Если соответствующие идейно-политические, нравственные и иные идеи стали принципами права, то, значит, в соответствии с ними складываются и ОбД и ОбЗ. Так, например, выработанное в законодательстве и судебной практике общее положение «никто не может быть лишен или ограничен в правах, иначе как по основаниям, предусмотренным в законе» – это, по сути дела, запрет, вводимый формулой «не иначе как», и означает он недопустимость для тех или иных органов совершения каких-либо действий, лишаящих граждан прав или ограничивающих их в правах кроме случаев,

предусмотренных в законе. Таким образом выражен важнейший принцип советского права – принцип всемерной охраны прав граждан, закрепляющий их всестороннюю защищенность, юридическую гарантированность, который «не только послужил основанием для введения ОбЗ, но по сути дела, они слились, выступают в виде единого принципа-запрета» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 424].

Развивая эту идею, автор делает предположение и выдвигает аргументы в его подтверждение: «Не являются ли абсолютные запреты в праве, круг которых в нашем обществе и так узок, по большей части именно запретами-принципами, т. е. такими, которые принимаются в соответствии с основополагающими социально-политическими, нравственными идеями нашего права, что придает им не только общее, но и абсолютное значение? И характер нашего права (оно нацелено на то, чтобы и запреты “выходили” на права, т. е. были, как правило, с исключениями), и характер принципов права (они, как правило, строги и однозначны по содержанию и в этом отношении абсолютны), думается, подтверждают такого рода предположение» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 425]. Можно проиллюстрировать это теоретическое положение примерами из действующего ныне правового порядка, когда абсолютные запреты в праве формулируются именно как запреты-принципы, которые принимаются в соответствии с основополагающими социально-политическими, нравственными идеями закрепленного в Конституции России права, что придает им не только общее, но и абсолютное значение, и значение это – защита и обеспечение субъективных прав, его центрального «звена» – прав человека: «Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию» (ч. 2 ст. 21); «Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них» (ч. 3 ст. 29); «Никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем» (ч. 2 ст. 30); «Принудительный труд запрещен» (ч. 2 ст. 37); «Никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление» (ч. 1 ст. 50) и т. д.

Место ОбД и ОбЗ в структуре права. О месте указанных феноменов в структуре права выше кратко упоминалось, когда говорилось о данной работе как о продолжении исследования, проведенного ученым в «Структуре советского права» (1975): ОбД и ОбЗ – это не просто интегративные элементы структуры права (добавим здесь – наряду с принципами права), но они сами представляют собой структурные образования, выполняющие интегративную функцию не только как общее регулятивное начало, но и как фактический каркас (скелет) непосредственно в нормативном материале. Их значение как интегрирующих элементов в структуре права возрастает в связи с процессом специализации в праве. И если последний позволяет осуществлять более тонкое, детализированное, конкретизированное, дифференцированное и более целенаправленное правовое регулирование общественных отношений, то отсюда становится ощутимей необходимость еще большего утверждения и упрочения тех регулятивных начал, которые обеспечивают единство регулирования данных отношений в целом. Для разъяснения этой идеи ученый приводит пример с договорным регулированием: как бы «ни дифференцировалось правовое регулирование договорных отношений, какие бы своеобразные факторы ни влияли на его многообразные разновидности в области хозяйства, обслуживания граждан и т. д., необходимо, чтобы общедозволительные начала, пусть и в специфическом виде, сообразном данным отношениям, оставались исходной базой и стержнем всего договорного регулирования» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 427].

Технико-юридические аспекты общих регулятивных начал в праве. В заключение главы о юридической природе общих регулятивных начал в праве ученый характеризует их как особые технико-юридические построения, или приемы, без которых социально-политическое, нравственное содержание могло в ткани права стать принципами права, но не его регулятивными началами, которые позволяют ввести в право законодательные обобщения высокого уровня, когда не все факты охватываются обоб-

щающей формулой, и позволяют «достигнуть высокой степени нормативных обобщений и тем самым усилить свойственную праву нормативность, следовательно, усилить функции и роль права как нормативного регулятора» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 429]. Использование подобных технико-юридических приемов в праве носит не только чисто «технический» характер, но в данном случае, усиливая нормативность права, возвышает его собственную ценность, что имеет уже немалое социальное значение. Кроме того, нормативное обобщение высокого уровня «не может быть просто формальным регулятором и, следовательно, не может не содержать мысль, идею» [Там же, с. 430]. Наконец, известные типы правового регулирования, выраженные в текстах нормативных актов в виде отработанной конструктивной модели (норма с ОбД или ОбЗ плюс нормы с исчерпывающим перечнем конкретных запретов или дозволений), представляют собой определенное достижение юридической техники: эта технико-юридическая модель может быть использована в любом случае, когда необходимо закрепить в нормативном материале соответствующий тип правового регулирования.

Рассмотрение технико-юридических аспектов общих регулятивных начал в праве, тонкое разграничение между ними и принципами права, предпринятое мыслителем, показывают его основной научно-исследовательский настрой, который состоит в том, чтобы отыскать в самой материи права, в его «теле» такие правовые средства, технико-юридические модели, юридические конструкции, которые бы позволили вывести в реальную плоскость правового регулирования глубинные социальные закономерности, идеи, требования, притязания, закрепленные порой в нормативно-правовом тексте лишь в виде общих формулировок, в виде не всегда активно работающих в правовой системе принципов права. Каким образом необходимо использовать правовые средства, юридические конструкции, технико-юридические модели в праве, чтобы благие пожелания властей ввести в практическую каждодневную плоскость общественного бытия? Вопрос, которым задается мыслитель не только в работе 1989 г., но и на протяжении всего своего творчества в рамках как первого, так и второго его этапов, и который в дальнейшем – на следующей ступени его творчества – будет рассмотрен еще с большим вниманием и с еще более основательными результатами. Ведь принципы права могут оставаться лишь декларативными пожеланиями, что автор и видел на протяжении всей советской истории, когда принимались красивые, в том числе конституционные, тексты, а практика «социалистического строительства» была порой не просто далека от провозглашенных идеалов, а прямо им противоречила, особенно в годы репрессий, хотя последние никогда и не прекращались в советский период, а лишь меняли свой объем, размах и глубину. Проведенные в работе совместная характеристика и одновременно тонкое разграничение принципов права как замыкающихся главным образом на фактическом содержании, в основном на интеллектуальной стороне права и общих регулятивных начал, которые включаются в волевою сторону и становятся важнейшим регулирующим фактором, базой для типов правового регулирования, для юридических режимов нацелены на демонстрацию того, что эти феномены, с одной стороны, призваны работать совместно и согласованно, а с другой – без «включения» волевого компонента права, без соответствующих интегративных элементов его структуры, каковыми являются ОбД и ОбЗ, реального регулирования общественных отношений можно и не достигнуть.

Общие регулятивные (правовые) начала в контексте понимания права. В последних двух главах ученый рассматривает общие регулятивные начала соответственно в контексте понимания права и в связи с прикладными вопросами правоведения. Относящиеся к самым глубинам правовой материи общие регулятивные начала могут высветить новые грани проблемы понимания права, могут существенно изменить целостное видение права и само юридическое мышление. Ориентировка при разработке общего понятия права на его трактовку как системы норм, понимаемых в виде предписаний, а также на его характеристику как инструмента государства, как простого средства, где превалируют позитивные обязывания, а субъективные права сводят-

ся полностью или частично лишь к «правам требования», установилась в советской юриспруденции с 30-х годов прошлого века, что в тех условиях имело определенный смысл, поскольку во многом именно через позитивные обязывания осуществлялась преобразующая роль государства, но при всей важности позитивных обязываний они составляют не единственный и – самое главное – не собственно правовой канал воздействия на общественные отношения: они находятся на поверхности правовых явлений и по главным своим характеристикам должны быть отнесены «на счет» государства (см.: [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 276]).

Рассмотрение права как всего лишь простого средства, как некоторого инструмента в руках государства приводит к подчеркиванию приоритета государства перед обществом, личностью и придает освещению правовых вопросов довольно отчетливое этактистское звучание. При разработке общего понятия права, других правовых проблем автор предлагает ориентироваться прежде всего на исконные элементы правовой материи – на дозволения (и связанные с ними запреты), и в особенности на ОбД и ОбЗ. Это позволит дать более глубокую трактовку определяющего качества права – его нормативности, не сводящуюся к этактистским характеристикам, а отсюда, помимо прочего, следует ограничить использование термина «предписание» ситуациями, когда речь идет отдельно о позитивных обязываниях либо связывая его в основном с правотворческой и правообеспечительной деятельностью компетентных государственных органов. Термин «предписание» вряд ли пригоден при рассмотрении регулирующей сути юридических норм в целом, тем более если под последним понимать модели поведения. Содержащиеся в праве дозволения и запреты не предписывают никаких моделей поведения: «Юридические нормы в этом отношении – *нормативные основания, единые, формально фиксируемые критерии правомерного поведения*, определяющие простор юридически допустимого и юридически защищенного поведения (дозволения) и пределы такого поведения (запреты)... Как общедозволительное правило юридическая норма призвана не регламентировать, не определять поведение людей, а только направлять это поведение (включая, конечно, и возможность прямой регламентации на отдельных участках социальной жизни). Более широкий термин “направлять поведение” должен снять с характеристики нормы этактистский оттенок, охватить и те случаи правового регулирования, которые выражают действие юридических дозволений и запретов» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 433–434].

Основное социальное предназначение права состоит в том, чтобы быть устойчивым, надежным, регулятивно-охранительным механизмом, который призван давать гарантированный простор, то есть гарантированную свободу «правомерному поведению участников общественных отношений, выражающий действие экономических, общесоциальных закономерностей, и функционирование которого находится в глубокой, органической взаимосвязи и взаимодействии со всей системой экономических, общесоциальных, в том числе психологических, регуляторов, стимулов поведения людей, их коллективов, со всей системой материальных и духовных интересов» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 434]. И если использовать образное сравнение, пишет ученый, то «право напоминает не матрицу, на которой запрограммированы все возможные варианты человеческих поступков и по которым “печатается” поведение людей, их коллективов, а, скорее, обширную “раму”, состоящую и из такого рода программ, и из ячеек различных объемов и форм, всегда четко очерченных, но всегда оставляющих пространство для собственного поведения участников общественных отношений. Наложённая на реальную социальную жизнь, на всю гамму разнообразных общественных отношений, эта “рама” должна так расположиться на эти отношения, так органично включиться в социальную жизнь, чтобы существовали оптимальные возможности для целенаправленного устойчивого и динамичного функционирования общественной системы с максимальным использованием всех присущих ей духовных и материальных стимулов» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 435]. Право современного развитого общества не просто приказывает, запрещает, разрешает и наказывает,

как говорили еще древние римские юристы, а делает это таким образом, чтобы давать простор, давать свободу поведению участников общественных отношений, и поэтому здесь на первый план выходят дозволения, общие дозволения и базирующиеся на них типы правового регулирования и юридические режимы. Это не означает умаления позитивных обязываний и запретов, с которыми во многом связаны высокая организованность, строгий порядок, дисциплина и ответственность, поскольку сами дозволения всегда имеют строгие пределы, строгие границы, которые в своем существовании и функционировании связаны с запретами и позитивными обязываниями.

Акцент на дозволильных началах в анализе и последующем «построении» права означает, что вместо предписывающе-запретительной направленности право и его понимание в науке развивается в направлении подлинно гуманистически (а не бюрократически) организованной регулирующей системы, в которой центральным пунктом являются субъективные права потому, что «благодаря ОбД и ОбЗ не только сами по себе дозволения во всех их разновидностях, но и запреты “разворачиваются” в процессе правового регулирования органичной для права стороной – субъективными правами. Пусть порой ограниченными, очерченными исчерпывающим перечнем, но все же именно правами, дозволениями» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 440–441].

Ученый считает необходимым привлечь еще раз внимание читателя к важному аспекту понимания права (о чем выше уже упоминалось) как «своеобразной формы социального регулирования, которая выражается в идее единства объективного и субъективного права. Право есть именно *право*, т. е. такой социальный регулятор, который “говорит” о правах и на основе которого, следовательно, и только на основе его можно определить, есть ли у лица субъективные юридические права или же их нет и поведение лица является противоправным со всеми вытекающими отсюда государственно-принудительными последствиями» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 441]. Каким образом может быть обоснован указанный аспект понимания права данными о способах правового регулирования, если с субъективными правами напрямую связан только один из них – дозволения? Если в отношении позитивных обязываний автор выдвигает аргумент о том, что это – особый и, как уже ранее говорилось, поверхностный пласт правовой материи, в большей мере выражающий особенности государственной власти, то в отношении запретов – аргумент о взаимосвязи их с дозволениями и главным образом с тем, что запреты, выраженные в ОбЗ, имеют другую сторону в виде конкретных дозволений, то есть конкретных субъективных прав, и отсюда правовую специфику запретов нужно искать не в них самих, а в этой «другой стороне», которая и относится к «правовому в праве», то есть к субъективным правам (см.: [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 441]). Можно добавить сюда и то, что в случае закрепления, гарантирования и обеспечения ряда важнейших субъективных прав – прав человека – используются именно запреты-принципы, о которых упоминалось ранее, а, кроме того, в ряде случаев обеспечение субъективных прав, в том числе прав человека, обеспечивается позитивными обязываниями, адресованными государственному аппарату.

Все ли исходящие от государства по внешней форме нормативные правовые акты являются правовыми по существу? В главе об общем понимании права, в небольшом фрагменте под названием «Каждый ли нормативный акт государственного органа – правовой акт?» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 441–446], ученый обсуждает еще один важный вопрос, положительный или отрицательный ответ на который – это своеобразный Рубикон между позитивистским и непозитивистским, в том числе юснатуралистским, правопониманием. Обсуждение данного вопроса свидетельствует о продолжающейся, более чем 2 500-летней традиции разграничения указанных двух типов правопонимания, поскольку по-прежнему волнует юридическую науку и ставится он отнюдь не ради красного словца, а тем более в условиях советского на тот момент режима, о сокрушительном падении которого никто еще не подозревал и в рамках которого юснатурализм рассматривался как «реакционное буржуазное уче-

ние» потому, что его можно было, как указано в Большой советской энциклопедии, обратить против социалистических идей⁶. Ученый отвечает на указанный вопрос отрицательно, и поэтому его правопонимание можно отнести в целом к непозитивистскому, которое впервые он сформулировал еще в работе 1971 года [Семитко 2019]. Интересна аргументация ученого, отмечающего, что нормативная трактовка права должна бы вести, как это представляется на первый взгляд, к положительному ответу на сформулированный выше вопрос, однако к нему все-таки не приводит, поскольку для права характерна нормативность особого рода – нормативность, неотделимая от специфического правового содержания, которое выражается в общих правовых началах – духе права, его принципах, общих регулятивных началах и построенных на них типах правового регулирования, «выходящих», в конечном итоге, на субъективные права. Если нормативный акт, будучи таковым по всем формальным признакам, все же не вписывается в действующую нормативную правовую систему, не согласуется с указанными правовыми началами, то есть – можем сделать вывод – нарушает субъективные права, то «оценка такого рода акта должна быть только одной: нет, по своей сути это – не правовой акт в истинном смысле этого слова» [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 445]. Ученый ссылается далее на высказывания К. Маркса, который писал о законах, лишенных «правового содержания», и оценивал их как законы, имеющие лишь «пустую маску» или, еще жестче, как «произвол законодателя» [Маркс, Энгельс 1955, т. 1, с. 158–159, 163].

Заключительные положения. Изменение правового мышления. Приоритет субъективных прав, утверждение и развитие дозволительных начал в жизни общества. В последней главе автор рассматривает прикладные вопросы правоведения – насколько разработанная в данной монографии концепция может содействовать на практике совершенствованию законодательства, повседневного применения закона; развитию и углублению правовой культуры и правового воспитания. А в заключение ученый с присущими ему сдержанностью и скромностью отмечает, что изложенные в книге соображения об общих регулятивных началах, ОбД и ОбЗ – «только первый шаг в их всестороннем исследовании; да и сами эти соображения выдвинуты в ряде случаев только в порядке постановки проблемы, в виде научных предположений, требующих обстоятельной проверки и, конечно, развития, уточнения. И все же, надо думать, материал книги дает основания для вывода о том, что ОбД и ОбЗ – своеобразные, самобытные явления регулятивной культуры; и это позволяет говорить об их ценности в современных условиях и об их перспективах... Достаточно основательные представления об общих регулятивных началах должны способствовать тому обусловленному настоящим временем **изменению правового мышления**, которое в соответствии с объективными тенденциями развития советского права **должно быть построено на**

⁶ В статье «Естественное право» Большой советской энциклопедии отмечается: «Марксистский материалистический подход к праву как отражению экономического строя и политической структуры классового общества делает излишним понятие естественного права в качестве предпосылки существования и обязательности действующего права; в обществе может быть только одно право, устанавливаемое государством, а в своей правотворческой деятельности государство связано принципами данного социального строя, которые определяются не “природой человека”, а социально-экономическим строем и способом производства» [Большая советская энциклопедия]. Советские идеологические рамки не давали авторам подобных текстов возможности понять, что «природа человека» и «социально-экономический строй и способ производства» могут в ряде юснатуралистских подходов, один из которых был свойственен отчасти и марксизму, обозначать то же самое, а именно: «природа человека» – это обусловленность человеческого существования социально-экономическим строем и способом производства. И в этом случае получается совершенно чудовищная псевдоинтеллектуальная абракадабра: государство связано принципами данного социального строя, которые определяются не «социально-экономическим строем и способом производства» (то есть «природой человека»), а... «социально-экономическим строем и способом производства». Недаром советское идеологизированное мышление рассматривают как разновидность светского религиозного, мифологического и т. п. мышления, которое формируется из рационально недоказуемых фантазмов и не улавливает собственных противоречий (см.: [Клямкин 1987]).

признании приоритета за субъективными правами, на утверждении и развитии дозволильных начал в жизни общества, органически связанных с гуманистической (а не бюрократической) организованностью» (выделено нами. – А. С.) [Алексеев. Общие дозволения ... 2010, т. 2, с. 465].

Данный вывод, как и проделанная ученым в книге исследовательская работа в целом, весьма знаменателен по нескольким основаниям. Прежде всего отметим то, что касается «объективных тенденций развития советского права»: по своему глубинному основанию советский социалистический строй базировался на весьма важных общечеловеческих ценностях и целях – свободе, равенстве, справедливости (братстве), отсутствии эксплуатации и др. И, несмотря на то что средства достижения этих поистине величайших человеческих ценностей в рамках построения коммунистического режима не могли привести к их реализации, а способствовали лишь движению в противоположном направлении (массовые репрессии; жесткий авторитаризм с «отклонениями» в тоталитаризм в отдельные периоды советской истории; неприкасаемая каста партийной и силовой номенклатуры и т. д., и т. п.), все это не отменяет ни стремления к их достижению, ни того, что тенденция к свободе, равенству, большей степени справедливости и гуманизма носит, на самом деле, объективный характер, как для всего человечества, так и для советского строя в частности, который – этот объективный характер – и привел вполне закономерно к его сокрушительному краху и переходу к свободе.

Из указанной выше объективной тенденции развития человечества для юристов вытекает задача раскрытия закономерностей функционирования правовой материи, что необходимо для разработки эффективных регулятивных механизмов обеспечения указанных ценностей, внедрения их в повседневную практику, так как без субъективного стремления к реализации закономерностей, которые квалифицируются как объективные, они сами по себе – без человеческой активности – достигнуты быть не могут. Уточним последний момент: их объективный характер, фундаментальная связь с глубинными человеческими потребностями в свободе, равенстве, справедливости и отсутствии эксплуатации приводят к тому, что указанный объективный характер отмеченных тенденций будет неминуемо выражаться в волевых, субъективных устремлениях людей к их достижению, построению и внедрению в практику. Мыслитель, разумеется, прекрасно осознавал всю эту диалектику объективного и субъективного в функционировании социальных систем и поэтому писал не про то, что объективные закономерности самым фаталистическим образом проложат себе дорогу в конечном счете, что можно было прочесть в отдельных вульгарных марксистских штудиях советского периода, а про то именно, что открытые юридической наукой тайны общих регулятивных начал в праве, конструктивных моделей, «новых частиц» сложной правовой материи должны способствовать **изменению правового мышления**, которое, в свою очередь, позволит добиться поставленных человечеством целей и ценностей при помощи необходимых правовых средств. Значительная, если не ведущая, роль субъективного фактора здесь признается как один из заключительных выводов из проведенного мыслителем исследования, что, по большому счету, не противоречит марксистскому подходу, который не отрицал активной роли надстройки, того или иного обратного ее воздействия на породивший ее базис (см.: [Маркс, Энгельс 1965, т. 37, с. 417]).

Проведенный мыслителем филигранный юридический анализ структурных образований, выполняющих интегративную функцию не только в качестве общего регулятивного начала, но и как фактический каркас, выраженный непосредственно в нормативном материале, показывает, что глубинные человеческие потребности, формирующие объективные тенденции движения человечества к большей свободе, равенству, справедливости и гуманизму, накапливаются в ходе весьма длительного исторического правового развития в самой правовой материи, концентрируются в ней в своеобразных ее структурных образованиях – в специфических правовых средствах, юридических конструкциях, общих регулятивных началах, в специально-юридических принципах права, дозволильном правовом начале, субъективных правах как активном центре

развитого правового регулирования и т. д. Раскрытие и обоснование механизма функционирования этих структурных правовых образований необходимы для использования их на практике правового строительства в ситуации, когда социум провозглашает названные выше общечеловеческие ценности как цели своего развития.

Симптоматично провозглашение в заключительной части книги идеи перестройки правового мышления, которое должно быть построено на признании **приоритета за субъективными правами, на утверждении и развитии дозволительных начал в жизни общества, органически связанных с гуманистической (а не бюрократической) организованностью**. В 1989 году – времени, как теперь стало понятно, скорого окончания долгой и, как казалось тогда, вечной советской эпохи – никто не мог предсказать, представить и даже, наверное, просто помыслить, что в 1993 году в Конституции новой России будет закреплён принцип приоритета прав и свобод человека в словах о том, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (ст. 2). Но в приведенных выше словах мыслителя – о признании приоритета за субъективными правами, о дозволительных началах в жизни общества как вывода из представленной им в работе концепции – этот принцип уже нашел свое необходимое теоретическое обоснование⁷.

Следует еще раз обратить внимание читателя на то, что научный пафос разработок мыслителем проблематики догмы права заключается, с одной стороны, в поиске глубинных специально-юридических закономерностей правовой материи, которые в процессе длительного исторического правового развития концентрируют в себе – в своих специфических структурных образованиях – ценности социума, а с другой стороны – в демонстрации того, что без осознанного использования указанных юридических закономерностей, «вращающихся» вокруг субъективных прав, невозможно реализовать на практике общечеловеческие социальные ценности, выраженные в абстрактных правовых принципах.

Отличие общетеоретического правового научного творчества С. С. Алексеева от творчества других ученых-юристов, в том числе таких крупнейших мировых фигур, как Г. Кельзен и проч., заключается в том, что, будучи нацеленным главным образом на анализ догмы права, С. С. Алексеев искал пути и способы соединения ее глубин с важнейшими социальными ценностями человечества. Если классические юристы-позитивисты нацелены исключительно на анализ догмы права и часто разрывают ее весьма кардинальным образом с социальным контекстом, то в рассматриваемом учении нацеленность прямо противоположная – на соединение догмы права и глубинных социальных, духовных, нравственных потребностей человека и общества. Даже несмотря на то, что в первый – советский – период своего творчества мыслитель исследовал почти исключительно образом догму права, в ряде случаев он делал выводы не только специально-юридического, но и общесоциального, философско-правового характера. А во второй – постсоветский, реформаторский – период творчества мыслитель акцентировал философско-правовое звучание сделанных им выводов специально-юридического характера. Заметим также, что фундамент сформулированной и детально разработанной во второй период творчества гуманистической концепции права был заложен еще в ранний период творчества мыслителя, когда он настоятельно подчеркивал, что правовое мышление должно быть построено на признании приоритета за субъективными правами, на утверждении и развитии дозволительных начал в жизни общества, органически связанных с **гуманистической (а не бюрократической) организованностью**.

⁷ Необходимость этого принципа в российской правовой системе оспаривается рядом современных ученых-юристов (дискуссия по этому поводу отражена в работах [Семитко 2015; Семитко 2017]).

Список источников

- Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. Т. 1. М. : Юридическая литература, 1981. 360 с.
- Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. 1989 // Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 2. М. : Статут, 2010. С. 225–467.
- Алексеев С. С. Право: методологические подходы к исследованию // Вопросы философии. 1983. № 3. С. 116–119.
- Алексеев С. С. Проблемы теории права : курс лекций // Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 3 : Проблемы теории права : курс лекций. М. : Статут, 2010. С. 7–780.
- Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. [+ Справоч. том]. Справочный том / сост. М. Ф. Казанцев. М. : Статут, 2010. 189 с.
- Большая советская энциклопедия // Вологодская областная универсальная научная библиотека : официальный сайт. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/037/988.htm> (дата обращения: 08.02.2024).
- Клямкин И. Какая улица ведет к храму? // Новый мир. 1987. № 11. С. 150–188.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. 2-е изд. М. : Политиздат, 1954–1981.
- Михайлов А. М. Философия права: идея естественного права. М. : Юрайт, 2020. 463 с.
- Нерсесянц В. С. Выступление на заседании круглого стола «О понимании советского права» // Советское государство и право. 1979. № 7. С. 70–72.
- Семитко А. П. О приоритете прав и свобод человека как правовом принципе либерализма в российской и зарубежной литературе // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2017. № 1. С. 83–105.
- Семитко А. П. Приоритет прав и свобод человека как одно из правовых оснований либерализма // Вестник Гуманитарного университета. 2015. № 4 (11). С. 59–83.
- Семитко А. П. С. С. Алексеев: ценность права – в утверждении ценности личности, ее прав и свобод, высокой организованности и порядка в жизни общества // Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе / С. С. Алексеев ; предисл. С. А. Степанова ; вступ. ст. А. П. Семитко. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. С. vii–lxxix.
- Чеботарёва И. А. «Правовая инфраструктура» и «правовое обеспечение» как юридические категории // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2013. № 4. С. 121–125.
- Явич Л. С. Право и социализм. М. : Юридическая литература, 1982. 176 с.
- Ben-Shahar O., Porat A. Personalized Law. Different Rules for Different People. New York : Oxford University Press, 2021. 244 p.

Информация об авторе

Алексей Павлович Семитко, д-р юрид. наук, старший научный сотрудник РАН, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, декан юридического ф-та, завкафедрой публичного права, профессор АНО ВО «Гуманитарный университет» (Екатеринбург, Россия), лауреат Всероссийской премии имени Сергея Сергеевича Алексеева «За заслуги в юриспруденции». SPINкод автора: 5866-9944.

Information about the author

Alexey P. Semitko, Dr. Sci. (Law), Senior Researcher at the RAS, the Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Dean of Law Faculty, Head of Public Law Department, Professor of Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia), Laureate of the All-Russian Prize named after Sergey Sergeevich Alekseev “For Merits in the Field of Jurisprudence”.

Статья поступила в редакцию | Submitted 19.03.2024.

Одобрена после рецензирования | Revised 15.04.2024.

Принята к публикации | Accepted 19.04.2024.